

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УЧЕБНИК ПО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВИДА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

С.И. Маловичко (Москва, Россия)

Исследование учебной книги по русской истории в предметном поле источниковедения историографии, является актуальной научной практикой, которая, в первую очередь, помогает анализировать историографические источники и уточнить такие их виды, как: «учебник», «книга для чтения», «учебное пособие».

В исследованиях современных исследователей, изучающих историю учебной книги по российской истории отсутствует рефлексия о строгости употребления понятий: «учебная книга», «учебное пособие», «руководство», «учебник», «краткий учебник» [см., напр.: 15, с. 22-23; 1, с. 499; 3, с. 33; 12, с. 71], что приводит к игнорированию интенции авторов изучаемых исторических произведений, а в итоге, к некорректному анализу историографических источников.

Первым учебником по российской истории, содержащим систематическое изложение учебного материала и официально признанным для использования в учебных заведениях нужно признать изданную в 1799 г. «Краткую российскую историю в пользу народных училищ» Ф.И. Янковича де Мириево [16]. Возникновение такого историографического источника становится возможным, с одной стороны, в связи с началом деятельности «Комиссии об учреждении училищ» (1782), с другой стороны, с появлением в исторической культуре больших нарративов по национальной истории (В.Н. Татищева, Ф.А. Эмина, М.М. Щербатова, Екатериной II и др.). Неслучайно, реагируя на издание «Краткой российской истории» Янковича, А.Л. Шлёцер писал, что для создания руководства по национальной истории необходима предварительная работа историков: собрание, упорядочение, обработка и критика исторических материалов (*gereinigte Materialien*) [17, s. XIII-XIV].

Янкович де Мириево целенаправленно создавал учебный текст используя фактический материал, собранный И.М. Стриттером (Комиссия еще в 1783 г. заказала ему учебную книгу, которая под названием «История российского государства» будет издаваться в 1800-1802 гг. в 3 ч.). Кроме того, многие конструкции древнерусской истории Янкович старался выстраивать так, как их позиционировала в предназначенном для чтения юношества большом национальном историческом нарративе Екатерина II (анонимные «Записки касательно российской истории», в 6 ч., 1787-1794).

В Европе на рубеже XVIII – XIX вв. большой нарратив по национальной истории трансформируется в национально-государственный нарратив. Окончательное утверждение классической европейской рациональности в историописании способствует возникновению классической модели европейской исторической науки. Научная история пытается обслуживать национальные и государственные интересы в результате чего актуализируемые кроме научной – практическая и воспитательная задачи национальной истории усиливают неоднородность способов позиционирования национального прошлого, основой которых были разные типы исторического знания (научный и социально ориентированный) [см.: 6, с. 89-100].

Издание «Истории государства российского» М.Н. Карамзина (ставшей наряду с «Историей Швейцарской конфедерации» И. Мюллера (в 5 т., 1786-1808) одним из первых национально-государственных нарративов в Европе) способствовало корректировке основных конструкций российской истории, ее героев и антигероев, актуализации этапов государственного строительства. В результате формируется российский исторический мастер-нарратив, представленный непротиворечивыми конструкциями прошлого. В первой половине XIX в. российский исторический мастер-нарратив укреплялся, в том числе, историческими произведениями, подражавшими «Истории» Карамзина (см., напр.: 13).

Упрощение научного подхода к историописанию оказывало влияние на историков и их решимость системно позиционировать историческое знание в учебной книге. Однако, уже на рубеже XVIII-XIX вв. они начинают отмечать трудность совмещения исследовательской цели историописания с практической (учебной) [см., напр.: 10, ч. 1, с. 1]. Рефлексия профессионализирующейся историографии о (не)возможности позиционирования научного исторического знания в учебной книге привела к появлению в первой половине XIX в. двух практик презентации российской истории в учебных книгах: 1) реализующая в произведении научную функцию или т.н. «историческую критику», 2) реализующая систематическую историю, в которой доминирует практическая функция.

Первую практику стало возможным реализовывать в таком виде историографических источников как *книга для чтения*. Книги для чтения по российской истории относятся к группе видов историографических источников учебная книга. Они выполняли пропедевтические задачи, но в отличие от *учебника* не были ориентированы для употребления в учебных учреждениях в качестве основного источника информации по предмету. Многие книги для чтения по российской истории для детей в виду присутствия в них элементов «исторической критики», наряду с научными работами А.Л. Шлецера, И.М. Стриттера, М.Т. Каченовского, П.М. и С.М. Строевых, Н.С. Арцыбашева, Н.А. Полевого и др., составили широкую практику контр-нарратива. Эта практика противостояла утверждающемуся с начала XIX в. российскому мастер-нарративу, опиравшемуся на национально-государственные истории первой половины XIX в. [подробнее, см.:7, с. 304-307].

Другие профессиональные историки, принявшие участие в практике написания систематических курсов российской истории, удовлетворявших требованиям Министерства просвещения и предназначенных в качестве *учебников* для училищ и гимназий в 20 – 30-х гг. XIX в. вынуждены были прибегнуть к определенному дискурсивному ходу. Он маркировал специфику подачи учебного материала по национальной истории. В самоназвании таких произведений мы встречаем слово «начертание» [см.: 5; 8; 14].

В российской культуре уже с XVII в. стали усваивать немецкое слово «Umriss» – «схематизация» [2, с. 434-435], которое легло в основу семантической истории слов «начертание» – «очерк». Как в немецкой, так и в российской литературной практике XVIII в. присутствие в самоназвании произведения слова «Umriss» / «начертание» обозначали особый, краткий, авторский ракурс рассмотрения какого-либо вопроса. В дальнейшем смысл этого слова (преобразовавшегося в «очерк») зафиксировал В.И. Даль в своем словаре: «Очертанье и очерк <...>. Письменное краткое и легкое описание чего, в главных чертах» [4, т. II, с. 804].

Переход из исследовательского («ученого») поля в поле учебного исторического дискурса в 20 – 30-х гг. XIX в. оказывается не столь легким для профессиональных историков. Они отнеслись к практике создания исторических учебных текстов с осторожностью, чем и было вызвано присутствие в самоназвании их учебных книг слова «начертание». Классическая модель европейской исторической науки и критика со стороны контр-нарратива – позиционировавшего научность, заставляли смотреть на выбранную практику историописания как на «несовершенную» [см., напр.: 5, с. 5 (нумер.); 8, с. IX-XIV; 14, с. VI (нумер.)].

В учебниках по российской истории конца 20 – 30-х гг. XIX в. все явственнее присутствует редуцированный в учебную форму национально-государственный нарратив. Если Кайданов в большей мере опирался на труд Карамзина («При составлении сей книги, главнейше руководствовался я Историею государства российского, сочиненную Карамзиным» [5, с.4 (нумер.)]), то Устрялов в учебник по русской истории редуцирует собственный национально-государственный нарратив – «Русскую историю» в 4 т. (затем в 5 т.), указывая: «Многое взято из нее слово в слово, многое сжато и сокращено» [14, с. V (нумер.)]. Погодин также использует свои предыдущие исторические произведения, стараясь приспособить их для иной – учебной практики, в чем сам и признается, например, указывая, что в описании первого периода истории «один печатный лист был извлечением из целого тома исследований» [8, с. VII].

Практика сознания классического учебника по русской истории оказалась возможной, с одной стороны, в ситуации утверждения научного исторического знания, с другой стороны, этой практике потребовалась мощная подпорка, которой стал национально-государственный нарратив. Он не базировался на исторической науке, но востребовал ее фактологию для специального конструирования истории государственного строительства. Несмотря на концептуальную разницу многотомные истории Карамзина и Устрялова включали в себя в принципе непротиворечивые конструкции русской истории, которые подкрепляли российский исторический мастер-нарратив. Со своей стороны, учебная книга по национальной истории, представленная, в том числе, учебниками востребуя конструкции национально-государственного нарратива, своим существованием в образовательном пространстве исторической культуры – укрепляла мастер-нарратив.

Таким образом, в XIX в. складывается система, которую можно отнести к группе видов историографических источников – *отечественная история (национально-государственная история)*, которая включает, по крайней мере, российский национально-государственный нарратив и учебную книгу (как группу видов) по русской истории, важное место в которой занял *учебник*. Практика позиционирования исторического знания в форме отечественной истории была и остается основанной на приемах самопрезентации (приемы демонстрации «своего» в нарративных конструкциях).

1. Абрамкин, О.С. Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII – начала XX в. / О.С. Абрамкин // Российский гуманитарный журнал. – 2015 – Т. 4. – №. 6. – С. 496-512.
2. Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык» / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 1141 с.
3. Володина, В.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.): автореф. дисс... д-ра ист. наук / Володина Татьяна Андреевна. – М.: МГУ, 2004. – 44 с.

4. Даль, В.[И.] Толковый словарь живого великорусского языка / Владимира Даля : в IV т. [2-е изд.]. – СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880-1882.
5. Кайданов, И.[К.] Начертание истории Государства Российского / составленное профессором исторических наук в Императорском Царско-Сельском лицее, Императорской Академии Наук корреспондентом, статским советником и кавалером Иваном Кайдановым. – СПб. : Тип. Мед. деп. мин-ва внутр. дел, 1829. – 490 с.
6. Маловичко, С.И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории долгого Девятнадцатого века / С.И. Маловичко // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 83-119.
7. Маловичко, С.И. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века / С.И. Маловичко, В.Ф. Марухин // Преподаватель XXI век. – 2017. – Вып. 4. – Ч. 2. – С. 298-315.
8. Погодин [М.П.] Начертание русской истории : для гимназий / соч. проф. Погодина. [2-е изд., испр. и умнож.] – М. : Универ. тип., 1837. – 427 с.
9. Полевой, Н.[А.] Русская история для первоначального чтения / сочинение Николая Полевого : в 4 ч. – М. ; СПб. : Тип. А Семена, 1835-1841.
10. Стриттер, И.[М.] История российского государства / сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером : в 3 ч. СПб. : Тип. Ф. Брункова, 1800-1802.
11. Строев, П.М. Краткая российская история в пользу российского юношества. – М.: Тип. С. Селивановского, 1814. – 126 с.
12. Студеникин, М.Т. Становление и развитие школьного образования в России XVI – начала XIX в. / М.Т. Студеникин : монография. – М. : МПГУ, 2011. – 226 с.
13. Таппе, А.В. Сокращение Российской истории Н.М. Карамзина, в пользу юношества и учащихся Российскому языку, с знаками ударения, истолкованием труднейших слов и речений, на Немецком и Французском языках, и ссылками на грамматические правила / изданное Августом Вильгельмом Таппе, доктором богословия и философии. – СПб.; Рига: Gedrukt bei Nicolai v. Gretsches, 1819. – 388 с.
14. Устрялов, Н.[Г.] Начертание русской истории, для учебных заведений / соч. Н. Устрялова. – СПб. : Тип. Имп. Рос. Академии, 1839. – 385 с.
15. Фукс, А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.) / Фукс Александр Николаевич: автореф. дисс... д-ра ист. наук. – М.: МГОУ, 2011. – 55 с.
16. [Янкович де Мириево, Ф.И.] Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1804. – 200 с.
17. Schlözer, A.L. Vorbericht / A.L. Schlözer // Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Rußland: vom Anfangedes Statsbiszum Tode Katharinader II. – Göttingen : Ph.G. Schröder, 1802. – S. III-XVIII.

УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ И ДАННЫЕ ПРОСОПОГРАФИИ

С.И. Посохов (Харьков, Украина)

Историография университетов Российской империи являет собой обширное пространство различных форм диалога и представлена множеством самых разнообразных по характеру и жанру работ (публицистические, мемуарные, отчетные, собственно научные). Эти работы наполнены утверждениями, которые часто являются весьма противоречивыми, далеко не всегда аргументированными, порою строящимися на предвзятых оценках. Все эти оценки и мнения переплелись и нередко являются взаимообусловленными. Они постоянно порождают новые логические цепочки рассуждений. Впрочем, имеются и такие «постулаты», которые, кажется, являют собою общепризнанные мнения. Иногда они выступают основой для конструирования тезиса о «российском типе университета» со своими специфическими чертами (весьма ограниченная автономия, бюрократизация, роль воспитательного начала в процессе обучения и т.п.). Впрочем, в научной литературе уже достаточно давно было высказано предостережение о том, что университетская тема, где в большей, где в меньшей степени, испытала «деформации», и что истоки этих деформаций не только в объективных условиях, а и недостаточном понимании авторами предмета исследования, что начало их следует искать еще в XIX – начале XX вв. [11, с. 142]. Вот почему некоторые современные авторы считают задачей времени «преодоление идеализированного или искривленного образа университетской истории», поскольку предшествующие истории университета имели ярко выраженный идеологический подход [9, с. 369]. Но иногда отмечается, что дело не просто в конъюнктурной или идеологизированной истории, что есть опасности и более глубинные, подсознательные, когда мы наполняем минувшее современными нам смыслами и соответствующими профессиональными ценностями[3, с. 230].

До известной степени откорректировать некоторые устоявшиеся утверждения, перейти от анализа «мнений» к анализу «фактов» позволяет просопография, которая ориентирует на изучение коллективной биографии тех или иных групп людей, когда посредством анализа биографических данных, можно выявить определенные тенденции в эволюции характеристик группы, определить основные социальные типы и т.п. В том числе это касается и истории университетов Российской империи. Благодаря этому методу можно не только выявлять историографические мифы, но и попытаться осуществить их деконструкцию. Приведем примеры.

Как известно, создание первых университетов в Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX вв. в значительной мере стало возможным благодаря приглашению иностранных профессоров. Безусловно, оценить эту роль не так просто. По этому поводу уже написано несколько крупных работ, где достаточно всесторонне охарактеризованы как результаты их деятельности, так и процессы их вос-